

Повесть для двоих

«Бедная Лиза» в Театре им. Ленсовета

посмотрел Роман Должанский

НОВЫЙ СПЕКТАКЛЬ Театра наций, созданный совместно с фестивалем современного искусства «Территория», расположился на перекрестке сразу нескольких жанров — оперы, драмы, балета, современного танца. Ну и, само собой, литературы: в основу камерной оперы Леонида Десятникова «Бедная Лиза» легла повесть основоположника русского сентиментализма Николая Карамзина. Десятников написал оперу сравнительно давно, тридцать лет назад, когда еще был не знаменитым, а начинающим композитором. Его «Бедную Лизу» потом поставили в Московском камерном музыкальном театре под руководством Бориса Покровского. Но после этого опера как-то ни в чье поле зрения не попадала.

И вот только хореографу Алле Сигаловой, когда-то услышавшей оперу Десятни-

кова, эта музыка — и эта история, видимо, тоже — не давала покоя. Требовался, конечно, какой-то нестандартный, неожиданный дебютный ход. Идея родилась не так давно, когда, как говорят, не кто иная, как Галина Волчек высказала мысль, что неплохо было бы актрисе театра «Современник» Чулпан Хаматовой, которую все знают по ее драматическим ролям на сцене и в кино, что-нибудь станцевать, причем именно под руководством Аллы Сигаловой. До или после телевизионного фигурного катания Чулпан это случилось, не так-то уж и важно. Важно, что опытный глаз руководителя театра давным-давно оценил невероятную пластическую выразительность Хаматовой — и ее же отвагу, работоспособность, желание рисковать, то есть те качества, которые не менее, чем

талант, важны при переходе на смежные жанровые территории.

Может показаться, что солист Большого театра Андрей Меркурьев — поработать с ним Алла Сигалова давно хотела — проделал меньший, чем Чулпан Хаматова, путь до точки их встречи: современная хореография для него, одного из лучших молодых российских танцовщиков, все-таки не в новинку. Но и для него «Бедная Лиза» стала приключением со многими неизвестными, потому что партнершей его стала драматическая актриса. Словом, всем трем основным участникам проекта — Сигаловой, Хаматовой и Меркурьеву — было чего опасаться и чем жертвовать. Но зато и всем им было к чему стремиться.

Сентиментализм Карамзина и искусная неоромантика Леонида Десятнико-

ва в спектакле «Бедная Лиза» встречаются с неожиданной и смелой современной хореографией. Камерная опера для двух голосов — сопрано и тенора — усилиями Сигаловой превратилась в экспрессивную хореографическую новеллу для двух исполнителей. «Пришел. Поцелуй. Встреча. Неожиданная. Случайная. Ложь. Прощание. Смерть...» — в том, как соединены в либретто спектакля глаголы, существительные и прилагательные, можно без труда угадать тот жесткий и четкий ритм, который управляет действием «Бедной Лизы».

Художник Николай Симонов одел спектакль в черное и белое. Действие этой «Бедной Лизы» происходит, кажется, в кинотеатре — кадры мелькают на больших створках-экранах, вот и целый ряд кресел стоит. Двое, он и она, случайно попали сюда на последний сеанс, они одни в зале, и вдруг реальность словно размывается, «сдвигается», становится неважно, где кино, а где жизнь, где Карамзин, а где мы. Но эти двое застигнуты страстями, неутомимыми, как порывы ветра, и жестокими, как самые простые человеческие чувства.

Остается добавить, что идея соединить в одной постановке драматическую актрису и танцовщика, видимо, носится в воздухе. Всего несколько месяцев назад в Париже состоялась премьера нового танцевального спектакля, в котором на сцене Театра де ля Вилль встретились Жюльетт Бинош и английский танцовщик Акрам Хан. Глупо сравнивать Бинош и Хаматову, Хана и Меркурьева. Ясно только, что в случае с «Бедной Лизой» мы имеем дело с какой-то неотъемлемой и ясной потребностью художников из разных сфер искусства идти навстречу друг другу и благородно рисковать. А раз так, то и зрителю не следует бояться риска.

Театр им. Ленсовета,
24 и 25 апреля 19.00

«У ДРАМАТИЧЕСКИХ АКТЕРОВ НЕТ ТОЙ ДИСЦИПЛИНЫ, КОТОРАЯ ЕСТЬ У БАЛЕТНЫХ»

Чулпан Хаматова рассказала Марии Сидельниковой о своем новом танцевальном опыте.

Что вы думаете об этой постановке?

Мне кажется, что все-таки это больше драматический спектакль, нежели хореографический. Хотя, конечно, в нем нет слов и текста в обычном понимании драматического театра. Но мне очень нравится, что все

происходящее в спектакле Алла называет не движением, а текстом, который озвучивается телом. В «Бедной Лизе» очень

четкие и понятные порывы души, и они легко считываются и без текста.

Тяжело играть такую роль?

Конечно, мне было сложно. Практически весь спектакль я провожу на полусогнутых ногах, и это большая нагрузка на неподготовленные мышцы и на колени. Даже элементарные движения, которые, кажется, можно с легкостью сделать, на прак-

тике оказываются весьма сложными. Но по моим ощущениям у Аллы не было цели превратить меня в стандартно двигающуюся танцовщицу, для нее важно было не задавить мою индивидуальность.

Как по-вашему — сильно изменили для спектакля настоящую «Бедную Лизу»?

В этом спектакле основой всего была музыка Леонида Десятникова, а не произведение Карам-

зина. Ведь если из «Бедной Лизы» убрать, скажем, все лишнее, то история очень простая: они полюбили друг друга, он полюбил другую, и ей стало плохо. Эти чувства близки и понятны не только мне.

Как вам работало с балетным танцовщиком?

Работа с ним — это большая ответственность. Если бы со мной рядом не было такого бриллианта, то я бы себя чувствова-

ла более вольготно и раскрепощенно. Он полностью подчинен своей профессии, и иногда у меня появляется нормальное ощущение, что я в этом спектакле лишняя. У драматических актеров нет той дисциплины, которая есть у балетных. После окончания театрального училища актеры в большинстве своем становятся расхлябанными. Начинается такая спринтерская жизнь — репетиция,

спектакль, опять репетиция, другой спектакль. У нас нет ежедневной работы над собой, и это катастрофа. Область чувств находится в форме, а вот обычные мышцы из формы выходят. Этот спектакль не первый ваш опыт освоения новой профессии. Вы участвовали в шоу «Ледниковый период». Что для вас было сложнее?

Это абсолютно разные вещи. Фигурное ката-

ние — это было шоу, и все приходило смотреть, как мартышки вышли из зоопарка и встали на коньки. Там не было такого уровня ответственности, и я это очень хорошо понимала. Конечно, в «Бедной Лизе» я не могу танцевать как профессиональная танцовщица, но я могу постараться честно и искренно отработать спектакль, чтобы людям, которые придут, было нескучно и интересно.